Иванов Фёдор Николаевич

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СЕТИ РЕКРУТСКИХ ПРИСУТСТВИЙ В РОССИИ XVIII-XIX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье на примере Вологодской губернии рассмотрено формирование в России XVIII-XIX вв. сети осуществлявших набор в армию региональных рекрутских присутствий, прослежена история создания рекрутских присутствий на территории Вологодской губернии и предложена периодизация данного процесса. Сделаны выводы о факторах, влиявших на развитие сети рекрутских присутствий (развитие рекрутской повинности, региональные особенности, изменение системы местного управления, соотношение доходов и расходов государства, внешнеполитическая обстановка), и о закономерности появления стационарных рекрутских присутствий во всех уездных центрах губернии в пореформенное время.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/10-2/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 63-69. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ERADICATION OF ILLITERACY WITHIN VOLGA REGION IN 1920-1927: POLICY AND PRACTICE

Lyudmila Borisovna Zakharova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Classical and Legal Disciplines
Samara Academy of State and Municipal Administration
zakharova_luda@mail.ru

The author discusses one of the most acute problems of the social-cultural level of Russian society development in the 1920s - the eradication of illiteracy. The solution of this problem among adult population within Volga region became complicated due to a number of reasons including the lack of funding from the state budget. The number of illiterate population was enriched at the expense of teenagers and young people, who did not go to school, and the plan for the complete eradication of illiteracy by 1927 was not fully implemented.

Key words and phrases: eradication of illiteracy; Central Administration for Political Enlightenment; population literacy; All-Russian Extraordinary Commission for Illiteracy Eradication.

УДК 94(47):355.211.1“17/18”
Исторические науки и археология

В статье на примере Вологодской губернии рассмотрено формирование в России XVIII–XIX вв. сети осуществлявших набор в армию региональных рекрутских присутствий, прослежена история создания рекрутских присутствий на территории Вологодской губернии и предложена периодизация данного процесса. Сделаны выводы о факторах, влиявших на развитие сети рекрутских присутствий (развитие рекрутской повинности, региональные особенности, изменение системы местного управления, соотношение доходов и расходов государства, внешнеполитическая обстановка), и о закономерности появления стационарных рекрутских присутствий во всех уездных центрах губернии в пореформенное время.

Ключевые слова и фразы: рекрутчина; Россия; Вологодская губерния; создание региональной сети рекрутских присутствий; периодизация.

Фёдор Николаевич Иванов, к.и.н.
Кафедра истории России и зарубежных стран
Сыктывкарский государственный университет
fedor-ivanoff@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СЕТИ РЕКРУТСКИХ ПРИСУТСТВИЙ В РОССИИ XVIII–XIX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)©

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-11009 «Рекрутская повинность в XIX веке в регионах России (на примере Европейского Севера страны)».

С последней четверти XVIII в. и вплоть до отмены рекрутской повинности в России в 1874 г. непосредственный набор рекрутов в регионах производили специальные административные органы – рекрутские присутствия – комиссии, создававшиеся заново перед каждым рекрутским набором и действовавшие на определенной для них территории в течение срока набора. Рекрутская повинность была самой тяжелой повинностью для податных сословий России, и неудивительно, что в народной памяти сами рекрутские присутствия и процедура их работы оставили мрачные воспоминания («…и рыкнут судьи – власти не милосливы, сердца ихны не жалосливы: принет да добра молодца во солдаты во рекрутские») [17, с. 218]. Именно с этих присутствий и начинались «грозная служба государева», «чужая дальняя сторонушка», означавшие «великое горе» для всей семьи рекрута и зачастую для него самого [Там же, с. 218–219]. Рекрутские присутствия представлены не только в произведениях обрядовой поэзии [17, с. 218–219; 27, с. 220–297], но и на страницах научных исследований, в которых рассматриваются проблемы истории рекрутской повинности в России – будь то комплектование Русской армии [1; 2], проведение рекрутских наборов [3; 9; 12, с. 36-40; 14; 16], либо же рекрутская обрядность [10; 15]. Однако во всех данных случаях рекрутские присутствия не являются предметом специального исследования. На наш взгляд, сюжет о рекрутских присутствиях в историографии недооценен. При обращении к региональному материалу, в нашем случае, к реалиям Вологодской губернии XVIII–XIX вв., может быть получена информация, полезная для уточнения представлений о проведении рекрутских наборов не только в данном регионе, но и по стране в целом, поскольку создание и размещение рекрутских присутствий на территории Вологодской губернии происходило в соответствии с общим для всей империи законодательством. Основу источниковой базы нашего исследования составляют законодательные акты по рекрутской

© Иванов Ф. Н., 2012

повинности, опубликованные в Первом и Втором собраниях Полного собрания законов и в Своде законов Российской империи, а также делопроизводственные материалы, отложившиеся в фондах Российского государственного исторического архива, Государственного архива Вологодской области и Государственного учреждения Республики Коми «Национальный архив Республики Коми».

Появление рекрутских присутствий в России относится к 19 сентября 1776 г. (здесь и далее все даты приведены по старому стилю), когда именным указом Сенату «О сборе рекрут с 500 душ по одному человеку» императрица Екатерина II повелела «в наместничествах…, постановленных по новоизданным от нас учреждениям, набор рекрут производить в казенной палате в отделенном от оной присутствии, на таковой токмо случай учреждаемом» [26, с. 416]. Председателем присутствия должен был стать генерал-губернатор (где он был назначен, в ином случае - губернатор), членами были определены вице-губернатор, член казенной палаты, возглавлявший экспедицию подушного сбора и ревизии, губернский прокурор, губернский стряпчий и комендант, который должен был исполнять обязанности воинского приемщика [Там же]. Заложенная, как видим, изначально связь рекрутских присутствий с казенными палатами была очень важной, поскольку именно казенные палаты вели ревизский учет населения и учет рекрутской повинности, а также хранили в своем архиве дела по всем наборам. Само же появление специальных рекрутских присутствий означало окончательную передачу набора нижних чинов в руки губернской администрации и соответствовало курсу правительства Екатерины II на дальнейшее упорядочение рекрутской повинности. Так, в годы ее правления был издан основополагающий законодательный акт, обобщивший практику рекрутских наборов, – Генеральное учреждение о сборе рекрутов 1766 года [25], введены постоянные «пятисотские участки» (состоявшие из 500 ревизских душ мужского пола каждый) взамен прежних временных рекрутских участков, образовывавшихся заново перед каждым набором, начали проводить сбор рекрутов раздельно по сословиям [13, с. 83]. С другой стороны, учреждение специальных административных органов, отвечавших за набор рекрутов, вполне отвечает духу губернской реформы 1775 г., поскольку одной из важных мер по повышению эффективности местной администрации Екатерина II считала увеличение числа местных учреждений и разделение управления по ведомствам [28, с. 409]. Рекрутские присутствия, открывавшиеся на время набора, позволяли несколько разгрузить работу губернской казенной палаты и более тщательно заниматься «рекрутскими делами».

Вологодская губерния (понятия «наместничество» и «губерния» использовались в 1770-1790-е годы как равнозначные [Там же, с. 403-404]) была учреждена указом от 25 января 1780 г., в её состав входили три области – Вологодская, Архангельская (в 1784 г. преобразована в самостоятельное наместничество) и Великоустюжская, столицей наместничества была Вологда. Даже без отделенной впоследствии Архангельской области Вологодское наместничество было одним из самых обширных в империи. Непосредственно губернским властям были подчинены Вологодский, Кадниковский, Грязовецкий, Вельский и Тотемский уезды, областным «средним местам» в г. Устюге были подчинены Устюжский, Никольский, Сольвычегодский, Яренский, Усть-Сысольский, Лальский и Красноборский уезды (последние два в 1797 г. были упразднены). Первоначально прием рекрутов со всей территории Вологодской губернии производился на основании указа 1776 г., которым и были учреждены рекрутские присутствия в России, только в губернском городе Вологде. Затем 20 октября 1782 г. был издан указ о приеме рекрутов с территории Великоустюжской области непосредственно в ее административном центре [4, д. 108, л. 1 - 1 об.]. В состав вновь созданного областного рекрутского присутствия входили специально командировавшийся советник губернской казенной палаты, устюжские комендант и уездный стряпчий, прокурор Устюжского губернского магистрата [Там же, л. 1 об.]. В начале правления императора Павла I, в 1796 г., наместничества были переименованы в губернии с изменением их территориального устройства, Великоустюжская область в составе Вологодской губернии была ликвидирована [21, с. 229-230]. Соответственно, должно было прекратить работу Устюжское рекрутское присутствие, принимавшее рекрутов на протяжении последних 14 лет. Однако вскоре в проведении рекрутских наборов произошли определенные изменения, вызванные стремлением Павла I привнести порядок и эту важную сторону жизни государства. В 1797 г. был издан указ, которым «дабы при сборе рекрут отдатчики и самые рекруты излишними из места в место переходами не затруднялись», предписывалось собирать рекрутов в империи по уездным городам [22, с. 722-723]. При этом гражданский губернатор, вице-губернатор и губернский предводитель дворянства, разделив по соглашению между собой уезды губернии на три части, должны были каждый в своем участке собирать рекрутов, через две недели переезжая из одного уездного города в другой. Сбор рекрутов в уездном городе проводился «при дворянском предводителе того уезда, при городничем или коменданте и при военном начальнике, где оный есть…» [Там же]. Например, в соответствии с циркуляром Вологодского губернского правления, в 1799 г. губернатор должен был проводить набор рекрутов в Грязовце (с 1 по 15 ноября), Кадникове (с 16 по 30 ноября) и Вологде (с 1 декабря 1799 г. по 1 января 1800 г.), вице-губернатор в те же дни должен был работать в Сольвычегодске, Яренске и Усть-Сысольске, губернский предводитель дворянства – в Тотьме, Устюге и Никольске [6, д. 27, л. 6 – 6 об.].

Новый порядок размещения рекрутских присутствий, несомненно, был очень удобен для населения, но оказался затратным для государства и неудобным для губернского руководства, которое в полном составе оказывалось на время набора вне губернского города и с трудом могло управлять вверенной территорией. В конечном итоге указом от 3 сентября 1802 г. император Александр I, приняв во внимание «открывшиеся опытами неудобности и затруднения», повелел принимать рекрутов только в губернских городах [20, с. 251]. Однако в крупных регионах, таких, как Вологодская губерния, польза от этого решения выглядела не столь однозначно. Как писал уже 8 октября 1802 г. министру внутренних дел В. П. Кочубею губернатор А. А. Горяинов, «…вверенная мне Вологодская губерния по местоположению своему есть столько

обширная, что дальний город Усть-Сысольск отстоит от губернского 876 верст, да и другие некоторые малым чем ближе, не упоминая уже о том, что и уезды их расположены на весьма значительном пространстве… И так соображение сие подает мне повод к рассуждению, что ныне совокупным из всей губернии приемом рекрутов в губернском городе всем… отдаленных уездов поселянам… естественно нанесет чувствительнейшее отягощение, да и самой набор рекрутский необходимо должен быть несравненно продолжительнее...» [4, д. 108, л. 1 – 1 об.]. Исходя из этих соображений, А. А. Горяинов просил министра внутренних дел «исходатайствовать высочайшее повеление» производить набор рекрутов не только в Вологде, но и «на прежнем основании» в городе Устюге для жителей отдаленных уездов, прежде входивших в состав Великоустюжской области. В предполагаемый состав нового присутствия должны были войти устюжский городничий и командируемые на время набора советник губернской казенной палаты и губернский стряпчий [Там же, л. 2 – 2 об.]. Необходимое повеление было получено уже 28 октября, и в набор 1802 г. Устюжское рекрутское присутствие принимало рекрутов наряду с губернским присутствием в Вологде [Там же, л. 3, 5]. Как можно видеть, несмотря на явное стремление к удобству для губернского управления и к экономии денежных средств при проведении рекрутских наборов, правительство было вынуждено сделать исключение для Вологодской губернии как малоосвоенной территории. Более того, на протяжении следующего десятилетия, до 1812 г., прием рекрутов в Вологодской губернии проводился не только в Вологде и Устюге – для большего удобства губернатор, вице-губернатор и губернский предводитель дворянства, как это практиковалось ранее до издания указа 3 сентября 1802 г., собирали рекрутов по уездным городам, каждый в своей части губернии [5, д. 11, л. 405 - 406 об.; 6, д. 53, л. 1; 8, д. 2, л. 80 - 80 об., 222; 30, с. 66].

Проведение рекрутских наборов требовало привлечения не только гражданских чиновников, но и военнослужащих для приемки рекрутов и отвода их к воинским частям (офицеры-приемщики, офицеры и солдаты конвоя для отвода рекрутов к местам их службы). Судя по всему, в условиях идущей войны с Турцией и в преддверии новой войны с Францией было затруднительно выделить значительные воинские контингенты, и осенью 1811 г. указом Сенату от 16 сентября было определено «прием рекрут в настоящий набор производить в одних губернских городах, исключая тех губерний, в коих по великому пространству их сие было бы затруднительно». На основании этого указа в Вологодской губернии дополнительно к губернскому было вновь открыто присутствие в Устюге для отдаленных уездов [18, т. 1, д. 2, л. 222]. Однако, уже в течение следующего 1812 г., даже ещё весной, до начала войны с Францией, рекрутов собирали только в одних губернских городах [18, т. 1, д. 5, л. 3 об., д. 23, л. 1; 30, с. 66]. И в набор 1813 г. рекрутов планировалось проводить на тех же основаниях, что уже представляло определенные трудности для населения. Так, мещанское общество г. Усть-Сысольска доносило в городскую думу, что «…о рассуждении отдаленности губернского города Вологды хотя и прилагаем всевозможное и непременное к выполнению сего набора старание, но к доставлению оных (*рекрутов – Ф. И.*) на расходы в рассуждении дороговизны прогонов и хлеба, харчи и содержание в губернском городе расположение учинить пособие по бедности нам уже не в силах…» [18, т. 1, д. 22, л. 7 - 7 об.]. О своих материальных трудностях заявили также жители Устюжского, Сольвычегодского, Никольского, Яренского, Усть-Сысольского уездов. Вологодский губернатор был вынужден обратиться «с представлением к г. главнокомандующему в Санкт-Петербург о дозволении приема с сих уездов рекрутов по городам или в одном Устюге». Комитет министров, «уважив местные затруднения», разрешил сбор рекрутов дополнительно провести на месте, в пяти отдаленных уездах губернии, однако губернатор местом сбора выбрал Великий Устюг. При этом было решено вице-губернатора и старшего из председателей палат в командировку не направлять, председателем устюжского присутствия был назначен губернский предводитель дворянства Чернавский, членами – губернский стряпчий и военный приемщик совместно с устюжскими уездным судьей, полицмейстером и уездным казначеем [Там же, л. 13, 18].

В последовавшие после Отечественной войны 1812 г. два десятилетия практика открытия дополнительно к губернскому в Вологде уездного рекрутского присутствия в Великом Устюге была закреплена окончательно [4, д. 413. л. 28 - 28 об.], поскольку, как писал в своем отчете за 1819 г. вологодский гражданский губернатор, «…большая часть казенных крестьян жительствует в ближайшем от г. Устюга нежели Вологды расстоянии, напротив того как около губернского города находятся главнейшее помещичьи крестьяне» [Там же]. Затем был совершен постепенный переход к новому принципу размещения рекрутских присутствий. Начиная по меньшей мере с 89-го рекрутского набора (1820 г.) [7, д. 41. л. 17] в Вологодской губернии, на время набора открывались несколько стационарных пунктов приема рекрутов – каждый для нескольких уездов, но в отдаленных уездах чиновникам приходилось по-прежнему ездить в каждый город. В 1820–1831 гг. стационарные рекрутские присутствия открывались в Вологде (губернское, для Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского, Вельского и части Тотемского уездов и Верховажского посада) и Устюге (для Устюжского, Никольского, Сольвычегодского и оставшейся части Тотемского уездов, городов Лальск и Красноборск) и особое рекрутское присутствие работало первый месяц набора в Усть-Сысольске, затем на второй месяц переезжало в Яренск [5, д. 68, л. 3, 5, 12, д. 81, л. 3, д. 90, л. 8 – 9 об.]. В необходимых случаях рекрутские присутствия могли открываться и в большем количестве городов, как, например, в 96-й набор 1831 г., когда присутствия работали в городах Вологда, Устюг, Кадников, Грязовец, Вельск, и в Усть-Сысольске-Яренске [Там же, д. 80, л. 8 - 9 об.].

Важное значение для развития сети рекрутских присутствий в России имело издание Рекрутского устава 1831 г. В соответствии с ним, в обширных и многолюдных губерниях должны были назначаться до четырех мест для приема рекрутов – «одно в губернском городе при казенной палате, а прочие в городах уездных». В каждом из них должно было открываться рекрутское присутствие, к которому приписывались два или три

уезда [31, с. 520]. Эти присутствия были уже полностью стационарными, чиновники принимали рекрутов весь срок набора в том городе, в котором должно было открываться рекрутское присутствие. Губернское рекрутское присутствие могло принимать рекрутов и вне срока набора, уездные же открывались только на время рекрутского набора. Во время набора все города, волости и селения, приписанные к одному рекрутскому присутствию, разделялись на три округа – ближний, средний и дальний. Первыми рекрутов приводили жители ближних селений. Рекрутов необходимо было сдавать в присутствия, к которым были приписаны селения, но в случае отдаленности поселения от места его приписки или плохого состояния путей сообщения губернские власти разрешали сдавать рекрутов в соседних присутствиях. В соответствии с Рекрутским уставом, председателем губернского рекрутского присутствия был вице-губернатор (затем вместо него - председатель казенной палаты), первого уездного – губернский предводитель дворянства, второго и третьего – старшие в чине уездные предводители дворянства (если их не было – старшие в чине уездные судьи). Членами уездного рекрутского присутствия назначались: судья ближайшего приписного уезда, уездный судья и городничий города, в котором открывалось присутствие, военный приемщик и врач. Старший в чине из уездных судей назначался председателем [Там же, с. 520-524]. В Вологодской губернии в наборы 40–50-х годов XIX века рекрутские присутствия открывались обычно в Вологде (губернское, для Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов), Тотьме («первое уездное», для Тотемского и Вельского уездов), Устюге («второе уездное», для Устюжского, Сольвычегодского и Никольского уездов) и Усть-Сысольске («третье уездное», для Усть-Сысольского и Яренского уездов) [5, д. 267, л. 3; 6, д. 146, л. 1; 29, д. 1637, л. 647, д. 1934, л. 813, д. 2015, л. 662, д. 2101, л. 1289 об.]. При необходимости могли открываться и дополнительные уездные рекрутские присутствия. Так, во время Крымской войны в общий набор 1855 г. отдельное рекрутское присутствие работало и в городе Никольске [8, д. 245, л. 1].

В пореформенное время, с возобновлением рекрутских наборов в 1863 г. и вплоть до отмены повинности в 1874 г., рекрутские присутствия в каждый набор открывались в губернском центре и во всех уездных городах. Население получило право в случае необходимости отправлять рекрутов в любое ближайшее рекрутское присутствие [4, д. 1904, л. 10 – 10 об.; 24, с. 1-4; 29, д. 3482, л. 94 об., д. 3552, л. 344 об. – 345]. Председателем уездного рекрутского присутствия назначался уездный предводитель дворянства (в Вологодской губернии – только в Кадникове и Грязовце, в прочих городах по причине отсутствия таковых назначались уездные судьи), членами – один из кандидатов мирового посредника (по очереди, из участка, от которого представляются рекруты, или постоянный на все время набора) по назначению уездного мирового съезда, уездный начальник или городничий, военный приемщик и медик, в качестве временных членов со всеми правами и обязанностями при приеме подведомственных им лиц в присутствие вводились городской голова и представители ведомств государственных имуществ и удельного. Впрочем, последние по мере хода реформ и передачи крестьян «в общее управление» от набора отстранялись [4, д. 1904, л. 10 – 10 об.; 19, д. 66, л. 1; 23, с. 706-710].

Расширение сети рекрутских присутствий оказало существенное влияние на расходы населения на поставку рекрутов. Например, в 1840-е годы в Вологодской губернии расходы на «отдачу» одного рекрута наиболее дорого обходились мещанам городов без рекрутского присутствия (в среднем, 30 рублей 59 копеек (все – серебром) в «заштатных» и 27 рублей 38 копеек в уездных) и значительно дешевле в городах с рекрутским присутствием, в среднем, в 20 рублей 31 копейку. Естественно, что в городах, где располагались присутствия, не было затрат на «привоз» рекрутов. У мещан остальных городов расходы по этой статье доходили в среднем до 35,1% от общей суммы. После открытия рекрутских присутствий во всех уездных городах у мещан произошло значительное снижение общих расходов за счет сокращения затрат «на привоз и содержание» рекрутов [11, с. 197-198, 201-203]. Характерно, что государственная власть признавала зависимость расходов населения от наличия достаточного числа рекрутских присутствий, равно как и необходимость снижения его денежных расходов на отправление повинности [29, д. 1637, л. 647, д. 1934, л. 813, д. 2015, л. 662, д. 2101, л. 1289 об.].

Таким образом, в развитии сети рекрутских присутствий на территории Вологодской губернии просматриваются шесть этапов (критерий периодизации – качественные и количественные изменения в размещении рекрутских присутствий): 1) 1776–1796 гг. – сбор рекрутов только в стационарных - губернском (Вологда) и областном (Устюг) - присутствиях; 2) 1796–1802 гг. – сбор рекрутов ездившими по уездным городам высшими чиновниками губернии; 3) 1802–1812 гг. – неудачная попытка вернуться к набору рекрутов только в губернских городах, возвращение к прежней практике набора рекрутов в стационарных присутствиях (Вологда, Устюг) и в передвижных по уездным городам. Только в войну 1812 г. набор производился в одной Вологде; 4) 1813–1831 гг. – сбор рекрутов первоначально в двух стационарных присутствиях (Вологда, Устюг), затем к ним было добавлено третье присутствие для двух самых отдаленных от Вологды уездных городов, которое работало последовательно в Усть-Сысольске и Яренске; 5) 1833–1855 гг. – создание сети стационарных рекрутских присутствий, открывавшихся в четырех городах губернии (Вологда, Тотьма, Устюг, Усть-Сысольск); 6) 1863–1874 гг. – сбор рекрутов в стационарных рекрутских присутствиях во всех уездных городах.

Работа рекрутских присутствий осуществлялась на основе манифестов и указов, которыми назначались рекрутские наборы, и актов более общего характера, в первую очередь, Генерального учреждения о сборе рекрутов 1766 г., позднее - Рекрутского устава 1831 г. Определение мест для открытия рекрутских присутствий на территории губернии находилось в компетенции её начальника, решение которого закреплялось в соответствующем циркуляре губернского правления, где на основании законов подробно раскрывались все особенности проведения предстоящего рекрутского набора на вверенной территории. С 1831 г. в помощь губернаторам и под их председательством были созданы губернские рекрутские комитеты из высших

местных чиновников, которые перед началом набора обсуждали меры по его лучшему выполнению, в том числе и открытие рекрутских присутствий [31, с. 520]. Рекрутские присутствия были частью созданной в Российской империи системы проведения рекрутских наборов, в которой были задействованы все должностные лица и органы государственного и местного управления страны [12, с. 36–40]. Рекрутские присутствия подчинялись гражданской губернской администрации, в ходе работы осуществляли тесное взаимодействие с различными органами управления губернского и уездного уровня, при помощи которых получали все необходимые справки и содействие в «законном понуждении» к исполнению своих требований. В контроле над ходом рекрутских наборов были задействованы губернские органы управления и центральные ведомства. Первой контролирующей инстанцией был губернатор, который осуществлял надзор за исполнением законов, разрешал «затруднения» и «принуждал» к своевременной поставке рекрутов. Рекрутские присутствия были подотчетны губернатору (причем уездные присутствия первоначально отчитывались перед присутствием губернским). За законностью работы рекрутских присутствий следили находившиеся на местах по своей должности губернский прокурор, губернский и уездные стряпчие казенных дел, а в XIX в. – и специально командируемые в губернии офицеры Свиты Его императорского величества. При Николае I к надзору за деятельностью чиновников присутствий были подключены губернские жандармские офицеры [Там же]. «Партионные» офицеры, находившиеся при присутствиях для формирования рекрутских команд («партий») и отвода их к воинским частям, имели право забраковать негодного рекрута, и рекрутское присутствие, если находило решение офицера достаточно мотивированным, было обязано заменить такого рекрута на нового человека, годного к службе. Члены присутствия несли коллективную и персональную ответственность за принятие на службу людей, «негодных в рекруты», неправомерный отказ в приеме рекрутов на службу и злоупотребление своим служебным положением. Структурно рекрутское присутствие подразделялось на собственно «присутствие» - комиссию из губернских и уездных гражданских чиновников и воинского приемщика под руководством председателя и канцелярию, обеспечивавшую работу комиссии. Персонал для канцелярии выделяла губернская казенная палата, она же обеспечивала присутствие всеми необходимыми для работы документами, печатными бланками и измерительными инструментами [31, с. 521-523, 558-560].

Функции рекрутских присутствий заключались в проверке правильности представления людей в рекруты и годности их к военной службе, приеме рекрутов и разборе жалоб «на неправильную отдачу», подававшихся непосредственно при приеме людей в рекруты. При этом степень глубины проверки правильности представления людей в рекруты находилась в зависимости от развития системы раскладки рекрутской повинности [13; 14, с. 11-14]: если по Генеральному учреждению о сборе рекрутов 1766 г. от присутствия требовалось лишь принимать годных по здоровью и физическому развитию людей, «не выбирая собою пожиточных крестьян и их детей и братьев, но кого отдатчики в отдачу объявят и поставят, только б были годные ростом и летами…» [25, с. 997, 999], то, начиная с рубежа XVIII–XIX вв., чиновники при отдаче рекрутов из казенных селений (впоследствии и из мещан) должны были дополнительно наблюдать за тем, чтобы рекруты были «очередные из большесемейных в службу годных» [6, д. 27, л. 6 об.; 18, т. 1, д. 5, л. 3 об.]. Наконец, в изданном в 1831 г. Рекрутском уставе сущность «свидетельства» людей, представляемых в рекруты, была определена как состоящая в «удостоверении: 1) из очередных ли семейств они представляются (*кроме помещичьих крестьян – Ф. И.*), 2) имеют ли указные лета, 3) имеют ли указной рост, и 4) не имеют ли таких болезней и недостатков, с коими принимать их не велено» [31, с. 528]. Проверка по первому пункту проводилась на основании ревизских сказок, очередных списков и мирских приговоров об отдаче в рекруты. Возраст проверяли при помощи тех же ревизских сказок, мирского приговора, в случае сомнений присутствие могло запросить духовную консисторию о присылке необходимых справок на основе метрических свидетельств. Однако, если появлялись подозрения в подлинности таких свидетельств, то чиновники могли обойтись и без них. Например, в циркуляре Вологодского рекрутского комитета от 12 ноября 1840 г. о приеме на службу старообразных и плешивых рекрутов указывалось, что «…им (*т.е. метрическим свидетельствам – Ф. И.*) ненужно верить вообще, а лучше полагаться на суждение рекрутского присутствия…» [4, д. 897, л. 2]. С 1844 г. рекрутские присутствия были уже обязаны брать свидетельства соседей рекрута, «не менее двух, по совести при местном начальстве спрошенных» [Там же, д. 1047, л. 81 – 81 об.]. Для проверки роста имелись специальные измерительные аршины. Что касается определения телесных недостатков и болезней рекрутов, то производилось это на основании Рекрутского устава и «наставления врачам» (расписания болезней). В случае, если возникали серьёзные сомнения в состоянии здоровья испытуемых, их отправляли на обследование в городскую больницу, но необходимо помнить, что многие внутренние заболевания в то время было трудно диагностировать. Впрочем, от присутствия и не требовалось проводить досконального обследования здоровья рекрутов, процедура приёмки рекрутов обычно была формальной. В освидетельствовании рекрутов принимали участие все члены присутствия. При этом голос врача был лишь совещательным, и своё мнение он должен был высказывать только в том случае, если этого от него требовали члены присутствия. Рабочий день рекрутского присутствия был коротким, поскольку освидетельствование годности людей к военной службе запрещалось проводить при недостаточной освещенности или при свечах. «Удостоенных» приёма в рекруты отводили в команду к воинскому приёмщику, и рекрутское присутствие выдавало отдатчику особую квитанцию, что свидетельствовало об «окончательном исполнении» набора его обществом [31, с. 527-531].

Как можно видеть, созданным Екатериной II в 1776 г. рекрутским присутствиям оказалась уготована долгая жизнь – они были упразднены почти через столетие, в 1874 г. вместе с рекрутской повинностью. Причины такого долголетия заключаются в том, что эти специализированные временные территориальные комиссии по своему характеру соответствовали особенностям рекрутчины, которая была повинностью

сословной и общинной, а сами наборы проводились нерегулярно и по мере необходимости. В то же время рекрутские присутствия создавались на основе постоянно действующей гражданской губернской и уездной администрации и были тесно связаны с ней в своей работе. В условиях недостаточности государственного бюджета и слабой развитости местного аппарата все это позволяло с большей эффективностью, чем ранее, организовывать набор рекрутов на местах через специализированный административный орган и при этом экономить денежные средства. Рекрутов собирали первоначально только в губернских присутствиях, однако впоследствии государство, испытывая необходимость в повышении скорости и правильности набора рекрутов и снижении расходов населения, было вынуждено постепенно отойти от политики экономии и открывать дополнительные рекрутские присутствия. Этому во многом способствовало происходившее в стране укрепление местной администрации, что также посодействовало и переключению губернатора (затем и вице-губернатора) с непосредственного сбора рекрутов на контроль над набором армейского пополнения.

Развитие сети рекрутских присутствий в России продолжалось вплоть до 1874 г. и прошло несколько этапов, на каждом из которых с учетом особенностей исторического момента был найден компромисс между стремлением государства сэкономить и необходимостью быстро и качественно собирать рекрутов, менее отягощая население. На первом этапе, в 1776-1831 гг., первоначально создавались преимущественно губернские присутствия и в виде исключения, с учетом региональных особенностей - дополнительные уездные, затем, судя по всему, в 1810-1820-е годы, дополнительные присутствия открывались чаще. В царствование Павла I и в начале правления его сына существовала практика набора рекрутов специальными передвижными присутствиями во всех уездах. На втором этапе (1831-1856 гг.) после вступления в силу Рекрутского устава 1831 г. в губерниях открывались по одному губернскому и до трех уездных присутствий. С возобновлением наборов после Крымской войны в 1863 г. и вплоть до отмены рекрутской повинности в 1874 г. рекрутские присутствия открывались в каждом уезде.

За почти столетнюю свою историю рекрутские присутствия стали важной частью системы комплектования русской армии. При этом основные функции присутствий заключались в проведении освидетельствования рекрутов и наборе людей на службу и оставались неизменными. Однако происходившая в XVIII–XIX вв. модернизация рекрутской повинности (в частности, изменения в системе раскладки повинности) привела к появлению ряда новых важных требований к правильности рекрутских очередей и жеребьев, соответственно, произошло и постепенное усложнение процесса набора рекрутов.

Список литературы

1. **Бескровный Л. Г.** Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. 643 с.
2. **Бескровный Л. Г.** Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. 616 с.
3. **Вакулова Л. Е.** Рекрутские наборы в Тамбовской губернии в XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007. 26 с.
4. **Государственный архив Вологодской области** (ГАВО). Ф. 18. Оп. 1.
5. **ГАВО.** Ф. 31. Оп. 1.
6. **ГАВО.** Ф. 476. Оп. 1.
7. **ГАВО.** Ф. 671. Оп.1.
8. **ГАВО.** Ф. 688. Оп. 1.
9. **Дьяконов М. В.** История проведения рекрутских наборов в России середины XIX столетия [Электронный ресурс] // Ученые записки: электронный журнал Курского государственного университета. 2011. Т. 2. № 3 (19). URL: http://www.scientific-notes.ru/pdf/021-012.pdf (дата обращения: 25.08.2012).
10. **Иванов А. Г.** Рекрутчина в низовьях Печоры. Архангельск, 1911. 11 с.
11. **Иванов Ф. Н.** Вологодские рекруты в 1840–1874 гг.: статистическое исследование // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / гл. ред. Г. В. Судаков; сост. С. А. Тихомиров. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 193-204.
12. **Иванов Ф. Н.** Модернизация системы подготовки и проведения рекрутских наборов в 1831–1874 гг. (на примере Европейского Севера России) // Международный сборник научных трудов / под общ. ред. С. А. Воробьёвой и Н. М. Шахворостова. СПб.: Инфо-да, 2006. С. 29–42.
13. **Иванов Ф. Н.** Раскладка рекрутской повинности в России: законодательство и представления населения о «справедливости» // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2010. № 3. С. 82-87.
14. **Иванов Ф. Н.** Рекрутская повинность населения России в 1831–1874 гг.: на материалах Европейского Севера: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. 19 с.
15. **Кормина Ж. В.** Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах севера и северо-запада России XIX-XX вв.) [Электронный ресурс]: автореф. дисс. … канд. культурологии. М., 2000. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/cormina3.htm (дата обращения: 25.08.2012).
16. **Красникова Ю. Н.** Рекрутские наборы удельных крестьян в первой четверти XIX века // Военно-исторический журнал. 2007. № 2. С. 42–44.
17. **Мельницкий А.** Рекрутчина // Живая старина. 1894. Вып. 2. С. 215-221.
18. **Национальный архив Республики Коми** (НАРК). Ф. 118. Оп. 1.
19. **НАРК.** Ф. 275. Оп. 1.
20. **О наборе рекрут с 500 душ по 2 человека**: Именной указ № 20411, данный Сенату 3 сентября 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXVII. С. 251–252.
21. **О новом разделении государства на губернии**: Именной указ № 17634, данный Сенату 12 декабря 1796 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXIV. С. 229–230.

22. **О приеме рекрут в уездных городах**: Именной указ № 18126 от 1 сентября 1797 г., объявленный Сенату генерал-прокурором // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXIV. С. 722-723.
23. **О произведении в 1863 году рекрутского набора с обеих полос империи**: Манифест № 39799 от 27 июня 1863 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1866. Собрание II. Т. XXXVIII. С. 706–710.
24. **О производстве в 1863 году рекрутского набора с обеих полос империи**: Манифест № 38622 от 1 сентября 1862 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. Собрание II. Т. XXXVII. С. 1–4.
25. **О сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто как в приеме, так и в отдаче не истинною поступать будет**: Генеральное учреждение № 12748 от 29 сентября 1766 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XVII. С. 997–1015.
26. **О сборе рекрут с 500 душ по одному человеку**: Именной указ № 14509, данный Сенату 19 сентября 1776 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XX.
27. **Обрядовая поэзия.** М.: Русская книга, 2000. Кн. 3. Причитания / сост., подгот. текстов и коммент. Ю. С. Круглова. 512 с.
28. **Писарькова Л. Ф.** Государственное управление России с конца XVII до XVIII века: эволюция бюрократической системы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 743 с.
29. **Российский государственный исторический архив.** Ф. 1263. Оп. 1.
30. **Указ Правительствующему Сенату от 16 сентября 1811 г.** // Положения о рекрутах с последовавшими после состояния онаго в дополнение и отмену узаконениями, показанными в особом описании. СПб., 1813. С. 66-71.
31. **Устав рекрутский**: Высочайше утвержденный 28 июня 1831 г., № 4677 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. Собрание II. Т. VI. С. 501-657.

FORMATION OF RECRUITING OFFICES REGIONAL NETWORK IN RUSSIA OF THE XVIIITH-XIXTH CENTURIES (BY THE EXAMPLE OF VOLOGDA PROVINCE)

Fedor Nikolaevich Ivanov, Ph. D. in History
Department of Russian and Foreign Countries History
Syktyvkar State University
fedor-ivanoff@mail.ru

The author considers the formation of regional recruiting offices network for conscription within Russia of the XVIIIth-XIXth centuries by the example of Vologda province, traces the history of recruiting offices within Vologda province, suggests the periodization of this process, and comes to the conclusions about the factors that influenced the development of recruiting offices network (the development of compulsory recruiting service, regional features, the change of local self-government system, the ratio of state income and expenditure, foreign policy situation) and about the regularities of stationary recruiting offices emerging in all the district centers of the province during the post-reform period.

Key words and phrases: conscription; Russia; Vologda province; creation of recruiting offices regional network; periodization.

УДК 81:1
Философские науки

В статье рассматривается философская теория значения Р. Милликан, которая основана на попытке интеграции биологии и семиотики. Раскрывается понятие пролиферации языковых структур. Анализируются понятия значения и референции в аналитической философии языка. Исследуются эпистемологические и онтологические основания экстерналистской теории значения. Обосновывается, что теория Р. Милликан является вариантом натуралистического холизма.

Ключевые слова и фразы: философия языка; аналитическая философия; теория значения; значение; экстернализм.

Артур Равилевич Каримов, к. филос. н., доцент
Кафедра философской антропологии
Философский факультет
Казанский федеральный университет
aquium@yandex.ru

Р. МИЛЛИКАН О ТЕОРИИ ЗНАЧЕНИЯ©

Проблема значения по-прежнему является одной из основных проблем современной аналитической философии языка. Предметом анализа является гипотеза американского философа Р. Милликан, которая, по ее

© Каримов А. Р., 2012